

УДК 811.161.1:398

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ИНТЕРНЕТ-ИГРЫ В АНТИФРАЗЫ***Т.Г. Бочина*

Статья посвящена загадкам-перевёртышам, созданным на основе прецедентных единиц путём замены слов на контрастные. Обозначены основные функции антифраз и определены их прототипы. В результате сопоставления антифраз с их прототипами выявлены особенности антонимических, синонимических и омонимических отношений в семантическом пространстве интернет-игры в антифразы.

Ключевые слова: Интернет, загадка, антифраза, прецедентная единица, контраст, антонимы, синонимы.

Являясь мощным катализатором языковых процессов, Интернет вносит неоспоримый вклад в развитие фразеологии многих языков. Всё большее число лингвистов из разных стран обращаются к данным Всемирной сети с целью фиксации и анализа явлений, происходящих в сфере неофразеологии. О возрастающей актуальности таких исследований косвенно свидетельствует проведение конференций соответствующей тематики. Так, на международной научной конференции «XXI Оломоуцкие дни русистов» (Чехия, 2011 г.) в течение 3 дней работала секция «Интернет и фразеология», на которой было сделано более 30 докладов.

Особую популярность в интернет-пространстве приобрели развлекательные сайты, которые активно эксплуатируют различные виды языковой игры, апеллируя при этом к общенародному фонду народной мудрости – паремиям, крылатым словам и фразеологизмам, другим прецедентным высказываниям и текстам, создавая на их основе современные трансформы. По признанию учёных, оспаривание прецедентных текстов в наши дни приобрело чрезвычайную распространённость не только в России, но и во многих странах Европы и в США [1]. Размышляя о масштабности такого феномена современной речи, как анти-пословица, Х. Вальтер и В. Мокиенко видят причины иронических переработок старой мудрости не только в известности и стереотипизированности традиционных пословиц, но и в их диалогической сущности: «С одной стороны, высокочастотность обеспечивает моментальное узнавание паремии, с другой стороны – повышает искус сопротивление ей и стоящей за ней хрестоматийной мудрости, что и является экстралингвистической мотивацией “стёба”. Эффект такого “сопротивления” обусловлен, собственно говоря, и глубинной диалектикой народных пословиц, которые веками создавались носителями разных идеологий, философий, вкусов и т. д.» [2, S. 7].

В кругу многочисленных трансформаций прецедентных единиц особенное место занимают так называемые антифразы, или загадки-перевёртыши. Суть данной формы загадки заключается в том, что одни пользователи заменяют все слова в прецедентном тексте на противоположные (контрастные) для того, чтобы другие участники игры отгадали исходную фразу или текст: *Нет здоровья, нужна смекалка (Сила есть – ума не надо); Плачет та, которая плачет первая (Смеётся тот, кто смеётся последним); Ваня к несчастью смеётся (Маруся от счастья слёзы льёт); Много человек в лесу не могут воевать (Один в поле не воин)*¹ и др.

Игра в антифразы существует в Рунете около десяти лет, и о её масштабах красноречиво свидетельствует количество результатов поиска на данное слово: 20 сентября 2011 г. в системе Yandex найдено 18 тыс. ответов, в Rambler – 19 тыс. документов, в Google – примерно 39.4 тыс. результатов.

Нужно заметить, что языковая игра в перевёртыши была известна задолго до появления Интернета, но именно Всемирная сеть придала ей массовый характер и предопределила ряд особенностей. Так, для форума как специфического формата интернет-общения характерно следующее: пошаговый режим и асинхронность сообщений, с одной стороны, и онлайн-коммуникация большого количества пользователей, географически удалённых друг от друга, – с другой; возможность как длительного обдумывания сообщений (в том числе более суток), так и быстрого реагирования на реплики собеседников; сохранение заданных пользователями тем в течение продолжительного времени и при этом вероятность постоянного подключения к игре новых участников со своими темами и загадками. Всё это обеспечивает накал соревновательного духа самой игры, которая может продолжаться с перерывами длительное время, её высокий креативный потенциал, стремление участников выработать и усовершенствовать правила игры, оценить качество предложенных загадок и проанализировать ошибочные ответы. Неслучайно на многих сайтах, специализирующихся на трансформации прецедентных феноменов различного рода, формируются и существуют коллективы единомышленников с признанными лидерами.

В качестве прототипов для антифраз используются, как правило, прецедентные единицы, которые составляют общенародный фонд русской лингвокультуры: а) пословицы и поговорки: *Дома плохо, а не дома ещё хуже (В гостях хорошо, а дома лучше)*; б) единицы других жанров устного народного творчества, например считалки: *Под железным чердаком стояли... (На златом крыльце сидели...)*; в) скороговорки: *За площадью сено, в сене иголки (На дворе трава, на траве дрова)*; г) загадки: *Стоит яблоко, можно выплюнуть (Висит груша, нельзя скушать)*; д) фразеологизмы: *Перед засухой в субботу (После дождичка в четверг)*; е) эпитонимы, или крылатые слова и выражения: *Хочу образование получить, а женицин даже видеть не желаю (Не хочу учиться, а хочу жениться)*.

Достаточно часто пользователи создают антифразы на основе названий, что соответствует общезыковой тенденции: по подсчётам Л.П. Дядечко, 28% новых эпитонимов в современном русском языке составляют названия [3, с. 20].

¹ Здесь и далее антифразы приводятся с сохранением авторской орфографии.

Трансформации подвергаются, например, названия песен и романсов: *Ах, вянет икебана (Ой, цветет калина)*; названия литературных произведений и/или их экранизаций, инсценировок: *Подвиг и награда (Преступление и наказание)*; названия кино-, теле-, мультфильмов: *Развод около Рябиновки (Свадьба в Малиновке)*; названия телепередач: *Доброе утро, старики (Спокойной ночи, малыши)*; названия газет и журналов: *Пожилый техник (Юный натуралист)*; названия торговых марок: *Небоскрёб в мегаполисе (Домик в деревне)*; названия музыкальных коллективов, например эстрадных поп-групп: *Кофе в одиночку (Чай вдвоем)* и др.

Чрезвычайной популярностью для «антифразирования» пользуются также стихи и песни, при этом переделке подвергаются не только названия, ключевые строки, но и куплеты, и целые поэтические тексты. К примеру, есть сайты, посетители которых специализируются на анти-трансформации произведений русской поэзии XX века, эстрадных, авторских либо рок-песен.

Таким образом, антифразы весьма разнообразны как по исходному прототипу, так и по объёму – от однословных перевёртышей до сложно-синтаксических целых и анти-текстов.

Необходимо отметить, что интернет-загадка далеко не всегда придумывается участниками форума, многие антифразы повторяются на разных сайтах, что роднит их с традиционной загадкой. Таковы, к примеру, трансформации: *Пятьдесят четыре – мужик огурец впервые (Сорок пять – баба ягодка опять)*; *Тело лежит в Америке (Призрак бродит по Европе)*; *Господа, прогоняйте подруг (Дамы, приглашайте кавалеров)*; *Некоторые жертвы могут догадаться, откуда прыгают ёжики (Каждый охотник желает знать, где сидит фазан)* и др.

Игру в антифразы объединяет с классической загадкой и их социальная функция, коммуникативная установка «на социальное единодушие и сдвиг “горизонта ожидания” при отгадывании» [4, с. 398–400]. Именно общий фонд знаний адресанта и адресата обеспечивает коммуникативную состоятельность загадок-перевёртышей, под которой понимается их принципиальная разгадываемость членами своего социума. Очевидно, что способность понять перевёртыш является своего рода критерием принадлежности не только к определённой лингвокультуре, но и к определённому кругу общества: знаток поэзии Серебряного века может потерпеть фиаско, попав на сайт, где трансформации подвергаются тексты рок-песен, а любитель рока, с легкостью разгадывающий антифразы на своем форуме, – не узнать в переделках библейские паремии.

Кроме функции социализации для «новоязовской» загадки, безусловно, характерны развлекательная, интеллектуальная и мнемоническая функции, ибо участники онлайн-игры не просто развлекаются, но при этом упражняют память и смекалку. Если иметь в виду авторов загадки, то чрезвычайно важной представляется функция реализации творческого потенциала, той самой языковой креативности, которая веками воплощалась в устном народном творчестве.

И, наконец, еще одна роль интернет-игры связана с двуголосой¹ сущностью антифразы. Как уже отмечалось, в качестве прототипа (предтекста) антифразы чаще всего выступают прецедентные тексты, несущие в себе кванты

¹ См. теорию М.М. Бахтина о двуголосом слове, или слове с установкой на чужое слово [5, с. 85].

традиционной культурной информации. Наличие предтекста предполагает диалогические отношения между ним и собственно текстом, между старым и новым знанием. Таким образом, перевёртыши не просто искажают известные фразы, а играют с их формой и пытаются по-новому осмыслить традиционное авторитетное знание. Тем самым прецедентная единица развивается, обогащается новой семантикой и, что немаловажно, актуализируется в языковом сознании новых поколений. Можно сказать, что игра помогает увидеть новый смысл в давно знакомых, привычных словах: *В одиночестве жизнь отвратительна (На миру и смерть красна)*; *Злой окрик и собаку огорчит (Доброе слово и кошке приятно)*; *Словоблудие – брат бездарности (Краткость – сестра таланта)*; *В одиночку скучно плыть по морю (Вместе весело шагать по просторам)*; *Ума нет, сила нужна (Сила есть, ума не надо)*.

Текстообразующим принципом антифразы является контраст: во-первых, согласно правилам, для создания антифразы необходимо все слова в известном изречении заменить на противоположные, и, во-вторых, для многих из прецедентных единиц, особенно паремий, характерна оппозитивность, которая наследуется перевёртышем. Следует отметить, что контраст как речемыслительная универсалия связан прежде всего с привативными (по Н.С. Трубецкому) оппозициями. Как справедливо отмечает В.В. Колесов, в эволюционном аспекте развития человеческой ментальности «развитие представлений от эквиполентности через градуальность к привативности – естественный процесс движения мысли от вещи через её признаки к *сущности* категории» [6, с. 412]. По его мнению, предпочтительность той или иной модели исчисления объектов определяется точкой зрения и направленностью движения концепта:

- сопоставление «вещей» в цельности их *знания* предполагает использование эквиполентной (равнозначной, равноценной) оппозиции, причём признаки сходства и подобия представляются более важными, чем признаки различия;
- сопоставление в иерархии уже выделенных *сознанием* признаков в границах «слова», то есть в знаке, вызывает необходимость в градуальной оппозиции; признаки сходства здесь так же важны, как признаки различия;
- сопоставление в противоположностях уже явленных «идей» в их *познании* требует наибольшей определённости в привативной оппозиции; только логически четкие привативные оппозиции эффективны в момент идентификации [6, с. 408–409].

Таким образом, контраст как лингвокогнитивный принцип онтологически связан с познанием «уже явленных идей», поэтому его использование с целью создания загадок на основе стереотипных фраз представляется глубоко закономерным.

В антифразах не просто используется тот же универсальный лингвокогнитивный принцип контраста, что и в классических паремиях, но и наблюдается преемственность и в типах лексических средств выражения данного принципа, и в использовании ряда традиционных для русской лингвокультуры оппозиций.

Изучение русских пословиц и поговорок позволило обобщить широкий диапазон лексических средств выражения контраста, представив их как систему с полевой структурой, в центре которой находятся узуальные средства выражения противоположности, а на периферии – ассоциативные противопоставления

несистемного характера [7]. Игроки в антифразы, создавая свои загадки, пользуются аналогичным языковым инвентарём, лексические средства создания интернет-перевёртышей также отнюдь не исчерпываются антонимами. Более того, даже беглое знакомство с антифразами показывает, что лексические антонимы – далёко не самое распространённое средство трансформаций, а примеры взаимодействия нескольких пар антонимов ещё более редки: *Вечер утра глупее (Утро вечера мудренее)*; *Быстрее бежишь – ближе не окажешься (Тише едешь – дальше будешь)*. Как правило, употребление нескольких стандартных средств выражения противоположности при переделке одного высказывания сочетается с использованием оригинальных оппозиций *золото – товар, два – ватага*, обеспечивая их адекватную дешифровку и узнаваемость всего перевёртыша: *Враг дешевле товара (Друг дороже золота)*; *Молодой враг хуже старых ватаг (Старый друг лучше новых двух)*. Что касается антонимов словообразовательных, то они привлекаются к «наоборот»-заменам ещё реже, чем разноосновные антонимы.

При трансформировании исходного высказывания многие создатели антифраз даже при наличии в языке точных антонимов используют не их, а асимметричные в каком-либо отношении оппозиции: 1) семантически неоднородные: *Тупой ныряет в глубину (Умный в гору не пойдёт)*; 2) грамматически неоднородные: *Счастливые не помнят врага (Друзья познаются в беде)*; *Сложно пожарить свеклу (Проще пареной репы)*; 3) стилистически неоднородные: *Дед на самолет – пилоту головняк (Баба с возу – кобыле легче)*; *Сдох без штанов (Родился в рубашке)*; *Трудолюбие позднее кого-то померло (Лень-матушка раньше самого родилась)*. Отход от правила «мены на антоним», дополнительные смысловые нюансы несколько осложняют путь к разгадке, но в то же время повышают креативность и эвристичность загадки. Ещё более размыт контраст в антифразе, созданной посредством комбинированной неоднородной оппозиции: *Улитка – зверей расстройство (Поспешишь – людей насмешишь)*; *Медлительность ни к чему, когда выпускаешь птиц (Спешка нужна при ловле блох и клопов)*.

Из числа узуальных средств выражения контраста наиболее часто для загадок-трансформаций используются оппозиции положительного и отрицательного глаголов, другими словами, авторами антифраз применяется операция отрицания. Структурно-семантическая соотносительность исходного и антифразового глаголов варьируется достаточно широко: отрицается/утверждается то же самое действие, что и утверждается/отрицается: *Бобруйск смеху верит (Москва слезам не верит)*; отрицание сопровождается однокоренными менами: *Он новое не вспомнит, кому уши дать (Кто старое помянет, тому глаз вон)*, синонимичные замены: *Когда кратко удовлетворяешься, ничего не выходит (Если долго мучиться, что-нибудь получится)*, тематически связанные глаголы: *Хоть далеко коленка, а попробуешь на вкус (Близок локоть, да не укусишь)*. Теоретически, чем больше отличаются значения глаголов, тем более размытым должен быть выражаемый ими контраст. Однако в силу того, что оппозиция утверждения и отрицания является элементарным и эксплицитным способом выражения логической противоположности, даже замены несистемного характера легко декодируются как контрастные, и тем самым обеспечивается успешность коммуникации,

то есть разгадывание антифразы: *Убери руки со своей лени (Не суй нос в чужие дела); Перед миром ладонями активно работают (После драки кулаками не машут).*

Как известно, далеко не все слова в языке имеют антонимы, при построении антифраз они, как правило, заменяются видовыми словами. Отношения несовместимости, свойственные согипонимам, относятся к числу основных видов семантических связей слов в словаре. Неоднократно писалось о том, что слова, выражающие видовые понятия (согипонимы), «принадлежат потенциальной сфере антонимии» [8, с. 111]. Как элементы одного класса, они имеют общую часть, соответствующую смысловому содержанию имени класса – гиперониму, и более конкретные дифференциальные семы, что определяет своеобразие контраста, выраженного согипонимами. С одной стороны – нестандартный, неузусальный характер противопоставления, с другой – легкость интерпретирования, «узнаваемость» оснований противоположения двух слов благодаря их противопоставленности по какому-либо признаку (признакам) в лексической парадигме: *На свой бублик глаза распахни (На чужой каравай рта не разевай!); Без лис умирать, по-лисовьи молчать (С волками жить – по-волчьи выть); Клубника горше, чем черешня (Хрен редьки не слаще); Обжорство не дядька (Голод не тётка)* и др.

Когда мы говорим о нестандартном характере подобных контрастов, то имеем в виду лишь язык, узус, в то время как в народной культуре многие из оппозиций согипонимов являются традиционными и широко распространёнными. Таковы, к примеру, пары *мёд – дёготь, лес – поле, вода – огонь, колыбель – могила* и многие другие, прошедшие многовековую обкатку в народной речи и взятые на вооружение создателями сетевого фольклора: *Из собственного мужа Бог бочку дегтя добывает (В чужую жену чёрт мёд кладёт); Где из поля, где на углях (Кто в лес, кто по дрова); Ночью без воды да потерять (Днём с огнём не сыщешь); Стройного колыбель поломает (Горбатого могила исправит).* Однако компоненты традиционных пар нередко в Сети приобретают новых «партнёров»: *За деньги и медком давишься (На халяву и хрен сладок); Ближе пустыня – меньше попадается саженцев (Чем дальше в лес – тем больше дров); Дураку помогать масло в золу выливать (Умному мешать – воду в огонь добавлять).*

Лингвокультурная преемственность явно просматривается по отношению к представителям животного мира, например, к таким, как *заяц – волк, кошка – собака, лисица – ворона: Отдохнёт заяц, да из равнины прибежит (Работа – не волк, в лес не убежит); Кошка – враг обезьяны (Собака – друг человека); Храбрая лисица не испытывает страха перед большими деревьями (Пуганая ворона куста боится).* Однако и в этой группе переделок проявляется тенденция к новизне и оригинальности: *Воспитание петухов поручается цыпленку-табака (Яйца курицу не учат!); Без безделья и ёжики оживают (От работы и конидохнут); Толстый бык уже козёл (Худая корова еще не газель); Свиное поголовье раздают весной (Цыплят по осени считают).*

Безусловно, в загадках-перевёртышах отражены и особенности современной русской речи, и стремление пользователей выделиться и быть интересными для своих собеседников. Отсюда употребление сниженной или, напротив, книжной

лексики: *Кто ленится, тот хаваает* (Кто не работает, тот не ест); *До гомофобии от человеколюбия три прыжка* (От любви до ненависти один шаг), включение в антифразы современных реалий: *Монитор бледнеет* (Бумага не краснеет); *Ксерокопии тонут* (Рукописи не горят); *Получай один евро и прогоняй одного врага* (Не имей сто рублей, а имей сто друзей); *Не каждая вша признаёт чужого бомжа* (Всяк сверчок знай свой шесток).

Тяга к окказиональным способам выражения контраста может быть объяснена не только особенностями интернет-дискурса, но и жанровыми свойствами загадки, которая по своему определению должна быть загадочна. Во многих антифразах прослеживается тенденция замены реалий своего мира, близкого и знакомого, на реалии мира чужого, далекого и таинственного: *Истина в реале, но не извлечь из него откровений, и лишь расслабляются свирепые аксакалы* (Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок!); *Отойдём от их верблюдов* (Вернёмся к нашим баранам); *Кокосы на пальме высоко висят* (Яблоко от яблони недалеко падает) и т. п.

Как известно, в сознании, языке, речи и, соответственно, тексте взаимодействуют отношения аналогичности и неаналогичности, ибо развитие объективного мира и познания представляет собой преемственную смену тождества, различий, противоположностей и противоречия. Подобно тому как в лексике взаимодействуют отношения противоположности и сходства, в семантическом пространстве загадок-антифраз наряду с антонимическими (шире – контрастными) оппозициями имеют место и синонимические связи. Субъективный характер контраста, нежесткие правила интернет-игры, с одной стороны, и ее креативность – с другой, приводят к тому, что нередко пользователи независимо друг от друга трансформируют одни и те же прецедентные единицы. При этом создаются своеобразные синонимические ряды антифраз, нередко многочленные. Можно выделить следующие типы «синонимии» загадок-перевёртышей.

1. Лексическая вариативность, когда для «наоборот-замены» авторы загадок используют различные средства выражения контраста. Во-первых, в языке существуют синонимико-антонимические парадигмы, и пользователи при создании антифразы могут выбрать разные антонимы (*малый – большой, великий*): *Большая порода, а дешёвка / Велик серебрянник, нет дешёв / Велик медячок и дешёв к тому же* (Мал золотник, да дорог).

Во-вторых, источником лексической вариативности являются согипонимы, которые избираются для трансформирования слов, не имеющих в узусе антонимов. Как известно, гипонимия – наиболее распространённый в словаре вид семантических отношений, поэтому число видо-видовых комбинаций значительно превосходит количество антонимических пар. Сравним синонимы-антифразы *Маленькому паровозу – маленькая езда / Маленькой лодочке – маленькая стоянка / Маленькому корыту маленький полёт* (Большому кораблю – большое плаванье). Здесь вариативность связана с разнообразием видо-видовых ассоциаций: корабль как водный вид транспорта может составить антитезу не только сухопутному паровозу, но и другому виду судна (*лодочка, корыто*), а плавание может противопоставляться не только другому виду движения (*езда, полет*), но и его отсутствию (*стоянка*).

В-третьих, правилами игры разрешается для многозначных или омонимичных слов подбирать антоним к любому значению, а не только к тому, которое реализовано в исходной фразе. Данное обстоятельство также приводит к лексической вариативности загадок: *Громко летишь – близко станешь / Быстрее бежишь – ближе не окажешься* (*Тише едешь – дальше будешь*), ср. *тихо* ‘с небольшой силой звучности’ (антоним *громко*) и *тихо* ‘медленно, без торопливости’ (антоним *быстро*).

2. Лексико-грамматическая вариативность антифраз возникает вследствие использования однокоренных и разноосновных лексем различных частей речи: *Девчонки, будете умирать, ссорясь!* / *Девчонки, не будем умирать в ссоре* (*Ребята, давайте жить дружно*). В трансформациях поговорки *И один в поле воин* (*Один в поле не воин*) субъект выражается существительными *толпа, сотня*, количественным сочетанием *много человек*, неопределенно-количественным числительным *много*, субстантивированным прилагательным *многие*: *Но толпа в лесу – армия / Толпа на горе – миротворцы / Сотня в лесу побеждает / Много человек в лесу не могут воевать / Много из леса да пацифисты / Многие в болоте воины*.

Лексико-грамматическая вариативность антифраз связана и с разветвлённой системой предложно-падежных конструкций в русском языке, в том числе близких по значению: *Трезвому лужа по макушку* / *Трезвому лужа с головой* (*Пьяному море по колено*). К тому же авторы загадок по-разному подходят к трансформации предлогов, меняя на контрастные по значению либо служебные и знаменательные слова по отдельности, либо предложно-падежное сочетание целиком: *без + глаза → с + носом* / *без глаза → зрячий*: *У двенадцати воспитанников взрослый с носом / Ни у одной бездельницы взрослый зрячий* (*У семи нянек дитя без глаза*). При создании антифраз поговорки *Работа не волк, в лес не убежит* один автор в словоформе *в лес* заменил на противоположное направление движения (*в лес – из леса*), а другой – наименование места (*лес – поле*): *Отдых овца, в поле уйдет / Отдых – волчица, из леса придет*.

3. Синтаксическая вариативность. Создатели антифраз не всегда сохраняют синтаксическую структуру исходного выражения, поэтому загадки, перефразирующие одну и ту же прецедентную единицу, могут различаться синтаксически, ср. повелительное и повествовательное предложение: *Эх, жара, жара, обжигай его / Ух жара-жара, ужарела я...* (*Ой, мороз, мороз, не морозь меня!*); двусоставное и односоставное предложение: *Многословие брат неудачности / Длинный бездарный брат* (*Краткость – сестра таланта*); подлежащее и сказуемое: *Лень не заяц – с поля вернётся / Отдохнет заяц да из равнины прибежит...* (*Работа не волк: в лес не убежит*). Кроме того, синтаксическая вариативность возникает вследствие различного трансформирования союзов: *И бдением и телом / То ли бодрствованием, то ли телом* (*Ни сном, ни духом*).

4. Особый тип синонимии антифраз представляют собой утвердительные и отрицательные варианты, ибо авторами загадок чрезвычайно часто для трансформаций применяется операция отрицания как наиболее универсальное средство семантического противопоставления. Закономерно появление вариантов, для которых один пользователь применил отрицание, а другой автор использовал иные средства контраста: *Не видя макушки / Указывай на верхушку!* (*Зри*

в корень!). Как правило, синонимы данного типа связаны с общим отрицанием: *Кошка молчит – штиль не тревожит* / *Кошка мяукает – штиль привозит* (*Собака лает – ветер носит*), хотя встречается и частное отрицание: **Не каждый** клоп ругает чужой листик / **Каждый** человек своей работой недоволен (*Каждый кулик свое болото хвалит*).

5. Стилистическая вариативность. Употребление сниженной или, напротив, книжной лексики в загадках-антифразах закономерно приводит к появлению стилистически неравноценных вариантов: **У честного человека** ботинки промокают / **Под филантропом** подошвы гаснут (нейтральное – книжное) (*На воре и шапка горит*); *У собаки сплошной пост* / *Всегда мышке голодуха* (нейтральное – народно-разговорное) (*Не все коту масленица*); *Мужик на лыжах – оленю тяжело!* / *Дед на самолёт – пилоту головняк* (жаргонизм) / *Мужика в карету – мустангу труд тяжёлый* (экзотизм) (*Баба с возу – кобыле легче*) и др.

Как правило, в синонимических рядах антифраз, особенно в многочленных, взаимодействуют различные виды вариативности. Например, в группе перевёртышей пословицы *Не все то золото, что блестит* комбинируются лексические варианты, один из которых стилистически окрашен (*золото* → *железо* / *металлом* / *дерьмо*), морфологические различия (*блестит* → полная и краткая формы прилагательного *тусклое* / *тускл* / глагол *ржавеет*) и синтаксическое разнообразие: *Всё железо, что тусклое* / *Всяк, кто тускл, – дерьмо* / *Всё это металлолом, потому что ржавеет*.

Итак, в семантическом пространстве интернет-игры в антифразы достаточно распространена синонимия перевёртышей, созданных разными пользователями путем трансформации одних и тех же прецедентных единиц. Источниками синонимии является, с одной стороны, многообразие языковых средств воплощения лингвокогнитивного принципа контраста, с другой – креативный характер игры.

Хотя и значительно реже, тем не менее встречаются среди загадок-перевёртышей омонимичные антифразы. Так, в качестве отгадки антифразы *Безделье любителя пугает* выступают различные паремии *Дело мастера боится* и *Работа дураков любит*. Пути возникновения омонимов следующие: во-первых, случайное совпадение двух загадок, созданных разными авторами на основе различных прецедентных единиц; во-вторых, несовпадение прототипа, имевшегося в виду автором загадки, с отгадкой, предложенной другим игроком в антифразы. Такие ответы не всегда можно квалифицировать как ошибки, во всяком случае ошибочные расшифровки антифраз свидетельствуют о том, что прецедентная единица, предложенная в качестве ответа, входит в ассоциативный словарь языковой личности. Например, на антифразу *Кошка враг обезьяны* даётся ассоциация *Гусь свинье не товарищ* вместо *Собака – друг человека*; на высказывание *Тело лежит в Америке* предлагается отгадка *Здесь русский дух* вместо загаданного *Призрак бродит по Европе*; на перевёртыш *Камни из ушей доставать* пользователи среагировали фразеологизмами *Воды в рот набрать*, *Лапы на уши навешать* вместо предполагаемого *Пыль в глаза пускать* и т. п. Эти и подобные ошибки подтверждают актуальность для современной русской лингвокультуры высказываний, первыми «пришедших на ум».

Таким образом, лингвокогнитивным принципом загадок-антифраз является контраст; наряду с антонимическими отношениями в семантическом пространстве игры в перевёртыши представлены также синонимические и омонимические корреляции. Интернет-игра в антифразы предоставляет лингвистам богатый материал для изучения новой жизни известных образцов русской лингвокультуры, для выявления актуальности тех или иных концептов и культурных констант для сознания современных носителей языка.

Summary

T.G. Bochina. The Semantic Space of the Antiphrases Internet Game.

The paper is devoted to the inversion puzzles built from the precedent units by replacing the words in them by the contrasting ones. The basic functions of antiphrases are defined; their prototypes are revealed. As a result of comparison of antiphrases with their prototypes, the essential features of antonymous, synonymous and homonymous relations between the linguistic units in the semantic space of the antiphrases Internet game are found out.

Key words: Internet, puzzle, antiphrasis, precedent unit, contrast, antonyms, synonyms.

Литература

1. *Mieder W.* Verdrehte Weisheiten: Antisredensarten aus Literatur und Medien. – Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1998. – 396 S.
2. *Walter H., Mokienko V.* Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter: Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. – Greifswald, 2002. – 153 S.
3. *Дядечко Л.П.* Крылатые слова в русском языке: системно-функциональный и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 2003. – 36 с.
4. *Николаева Т.М.* От звука к тексту. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – 680 с.
5. *Бахтин М.М.* Собрание соч. Т. 2: «Проблемы творчества Достоевского», статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. – М.: Рус. словари, 2000. – 799 с.
6. *Колесов В.В.* Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
7. *Бочина Т.Г.* Лексические средства выражения контраста // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 3. – С. 47–54.
8. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

Поступила в редакцию
18.04.11

Бочина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: tbochina@yandex.ru